

РЯБКОВА ИРИНА ПАВЛОВНА

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЬ»
В РЕЧАХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.:
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Шутова Нелла Максимовна

Официальные оппоненты:

Нефедова Лилия Амиряновна, доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», директор института
лингвистики

Поляков Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Шадринский государственный педагогический институт», доцент
кафедры английского языка

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
университет»

Защита диссертации состоится «7» марта 2014 года в 14.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.283.02, созданного на базе ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017,
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале
информационно-интеллектуального центра научной библиотеки
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан «4» февраля 2014 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Дзюба Елена Вячеславовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проведение настоящего исследования продиктовано стремлением расширить круг возможных аспектов изучения концептов, а также интересом к особенностям репрезентации в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе концепта, не являющегося для данного типа дискурса базовым. Особое внимание уделяется возможностям использования результатов сопоставительного исследования для решения переводческих проблем.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более детального изучения концептосферы политического дискурса, а именно политически-нейтральных концептов, в основе которых лежат универсальные когнитивные структуры. При этом политический дискурс рассматривается как явление, существующее в пространстве межъязыковой и межкультурной коммуникации.

В качестве **объекта** изучения избран концепт «Путь», в основе которого лежит универсальная идея физического перемещения в пространстве. **Предметом** исследования выступают средства языковой репрезентации анализируемого концепта и его когнитивные признаки – «отдельные признаки объекта, осознанные человеком и отображенные в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания» (З. Д. Попова, И. А. Стернин) в оригинальных и переводных текстах политических речей на английском и русском языках.

Материалом для исследования послужил русский и американский политический дискурс, а именно – выступления российских (М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина) и американских (Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего, У. Клинтона, Дж. Буша-младшего) президентов, относящиеся к периоду 1985–2008 гг., в оригинале и в переводе. Нами были отобраны и проанализированы 1804 текстовых фрагмента на языке оригинала (901 на английском и 903 на русском), репрезентирующих исследуемый концепт. Каждому фрагменту текста оригинала соответствует от одного до четырех вариантов перевода, опубликованных в виде книжного издания или на Интернет-сайтах (преимущественно официальных сайтах национальных СМИ, органов государственной власти или конкретного политического лидера). Таким образом, совокупный корпус проанализированных текстовых фрагментов составляет 3307 единиц (из них 1426 – перевод на русский язык и 1881 – перевод на английский язык).

Цель исследования заключается в сопоставительном изучении языковых средств репрезентации концепта «Путь» в речах российских и американских политиков и анализе соответствующих им переводческих решений.

Исходя из поставленной цели, был сформулирован следующий круг **задач**:

1) изложить подходы к понятию «концепт», существующие в отечественной и зарубежной лингвистике, а также представить имеющиеся классификации концептов;

2) обобщить используемые другими исследователями методики описания и сопоставления концептов политического дискурса;

3) описать ту часть номинативных полей концепта «Путь», которая представлена в исследуемых политических речах, в частности, выделить основные репрезентанты и когнитивные признаки концепта «Путь»;

4) реконструировать структуру изучаемого концепта, представить ее в виде отдельных когнитивных составляющих, обозначить их иерархию;

5) выявить индивидуальные особенности языковой репрезентации исследуемого концепта в политических речах президентов СССР, России и США;

б) сопоставить русские и английские вербализаторы основных когнитивных составляющих рассматриваемого концепта и присутствующие в политических речах на соответствующих языках когнитивные признаки;

7) на основе полученных результатов, а также имеющейся практики передачи концепта «Путь» при переводе политических речей с английского языка на русский и с русского языка на английский выделить потенциальные переводческие трудности и возможные переводческие соответствия для отдельных репрезентантов изучаемого концепта.

Новизна исследования обусловлена тем, что прежде изучение концепта «Путь» в сопоставительно-переводческом аспекте не проводилось. Оно дополняет предпринимаемые в политической лингвистике попытки моделирования концептосферы политического дискурса за счет включения в нее ранее не исследовавшихся политически-нейтральных концептов, расширяет круг изучаемых специалистами вопросов, интегрируя достижения политической лингвистики, переводоведения и когнитивистики. С новых позиций рассматриваются проблемы передачи концепта при переводе, связанные с различиями в его репрезентации в разных языках.

Соответственно, **теоретической базой** для исследования послужили работы в области:

– *когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии* (А. П. Бабушкин, 2001; Н. Н. Болдырев, 2002, 2008; С. Г. Воркачев, 2003, 2011, 2012; Е. И. Голованова, 2011; В. З. Демьянков, 2001, 2009; Е. В. Дзюба, 2011; А. А. Залевская, 2001, 2005; В. И. Карасик, 2001, 2002, 2005, 2009; Е. С. Кубрякова, 1996, 2004, 2009; В. А. Маслова, 2008; М. Ю. Олешков, 2009; З. Д. Попова, 2003, 2007; А. Н. Приходько, 2009; Г. Г. Слышкин, 2004, 2006; Ю. С. Степанов, 2001, 2009; И. А. Стернин, 2001, 2004; Л. О. Чернейко, 2010; V. Evans, 2006, 2007, 2010 и др.);

– *политической коммуникации* (Э. В. Будаев, 2006, 2008, 2009, 2011, 2012; М. Б. Ворошилова, 2013; М. В. Гаврилова, 2005, 2006, 2010, 2011; Дж. Лакофф, 2008; М. В. Пименова, 2004, 2005, 2006, 2010; О. В. Спиридовский, 2006; А. П. Чудинов, 2002, 2003, 2006, 2008, 2009; 2012; Д. В. Шапочкин, 2012; О. П. Шевченко, 2010; Е. И. Шейгал 1999, 2002, 2004; А. Beard, 2000; P. Chilton, 2004 и др.);

– *переводоведения* (М. Ю. Бродский, 2012; Д. М. Бузаджи, 2009; Л. Виссон, 2006, 2012; Н. К. Гарбовский, 2004; Н. Н. Дзида, 2010; В. Н. Комиссаров, 2002; Л. В. Кушнина, 2005; В. К. Ланчиков, 2004, 2009; Л. Л. Нелюбин, 2013; Л. А. Нефедова, 2003; П. Р. Палажченко, 2004; Я. И. Рецкер, 2007; В. М. Суходрев, 2008; А. В. Федоров, 1983; Т. А. Фесенко, 2001, 2002, 2004; В. И. Хайруллин, 1995; М. Я. Цвиллинг, 2009; А. П. Чужакин, 2008;

A. Chesterman, 2009; P. Fawcett, 2009; D. Gile, 2009; S. Halverson, 2009; J.–H. Kang, 2009; J. Munday, 2007, 2012; K. Sturge, 2009; A. Pym, 2010 и др.).

При проведении исследования были также изучены работы, связанные и непосредственно посвященные описанию концепта «Путь» и смежных с ним концептов («Дорога», «Путешествие», «Движение» и т. п.), выполненные на материале русского, английского и некоторых других языков (Н. Д. Арутюнова, 1999; Т. И. Бабкина, 2009; М. Ю. Белау, 2009; С. Г. Дрыга, 2010; Е. Н. Евтушенко, 2004; О. О. Ипполитов, 2003; Ю. Н. Кольцова, 2001; И. Г. Никитина, 2010; Э. Лассан, эл. ресурс; Л. Цзюань, 2004 и др.).

Материал для исследования отбирался **методом** сплошной выборки из оригиналов политических речей на русском и английском языках текстовых фрагментов, репрезентирующих изучаемый концепт. Затем для каждого такого фрагмента из корпуса переводных текстов выбирался соответствующий ему вариант (варианты) перевода на английский или русский язык. При описании лингвистического материала использовались сравнительный и сопоставительный **методы**, а также методы контекстуального, дефиниционного, переводческого анализа, элементы количественного анализа. Кроме того, применялись отдельные элементы некоторых методик моделирования концептов, разработанных и апробированных отечественными когнитивистами и лингвокультурологами: С. Г. Воркачевым (2011), Е. В. Дзюба (2011), В. И. Карасиком (2002, 2009), Т. С. Медведевой (2011), А. Х. Мерзляковой (2010), М. В. Пименовой (2006), З. Д. Поповой (2007), И. А. Стерниным (2001), Л. О. Чернейко (2010) и др.

Теоретическая значимость исследования может рассматриваться в двух аспектах. С точки зрения политической лингвистики, настоящая работа представляет собой сопоставительное описание средств репрезентации концепта, не являющегося институционально-маркированным, но в силу своей универсальности служащего важным элементом политической коммуникации. С точки зрения переводоведения, работа вносит свой вклад в изучение проблем общественно-политического перевода, в частности, президентских речей, позволяя осмыслить их в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы и устранить некоторые переводческие ошибки и недочеты в сфере президентской риторики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материал и результаты представляют интерес для лингвистов, политологов и практикующих переводчиков. Они могут быть использованы в реальной практике устного и письменного перевода политических материалов, а также на занятиях по переводу общественно-политических текстов, семинарах по переводу, при разработке языковых спецкурсов в вузах, при составлении и редактировании русско-английских и англо-русских словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Способы репрезентации концепта «Путь» в политической речи отличаются от лексических средств его объективации, выделяемых на основе лексикографических источников и произведений художественной литературы. Многие из описанных другими исследователями репрезентантов концепта встречаются в президентских речах достаточно редко или не были зафиксированы

вообще. Несмотря на частичную симметрию номинативных полей рассматриваемого концепта в политических речах на русском и английском языках, их значительный объем является асимметричным. Вербализация концепта «Путь» имеет также свои индивидуальные особенности в рассмотренных речах каждого из российских и американских президентов.

2. Наиболее частотными вербализаторами концепта «Путь» в политических речах на русском языке являются лексемы: «путь», «идти», «направление», «шаг», «пройти», «подход» и «вперед». Наиболее частотными вербализаторами исследуемого концепта в политических речах на английском языке являются лексемы: “way”, “to come”, “to go”, “to lead”, “to bring”, “to move”, “towards” и “forward.” Важной особенностью репрезентации исследуемого концепта в речах американских президентов является высокая частотность глаголов, описывающих самостоятельное перемещение двух субъектов – одного ведущего, другого ведомого: “to follow”, “to lead”, “to pursue”, “to guide.”

3. Наибольшее значение для русской и американской политической речи имеют следующие когнитивные составляющие концепта «Путь»: субъект движения, конечная цель движения (локус), направление движения, траектория движения (трасса). Они могут быть актуализированы в тексте как эксплицитно (посредством конкретной лексической единицы), так и имплицитно (не соотносясь с одной конкретной лексемой).

4. Основными причинами переводческих проблем, возникающих при передаче концепта «Путь» средствами другого языка, являются асимметрия номинативных полей концепта и различия в репрезентации его когнитивных составляющих. Наибольшие трудности возникают при передаче составляющей «субъект движения».

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались на VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2004 г.), на Российской научно-практической конференции «Перевод и сопоставительная лингвистика» (УрГИ, Екатеринбург, 2004 г.), в ходе обучения во всероссийской научной школе для молодежи «Политическая коммуникация» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (УрГПУ, Екатеринбург, 2009 г.), на пленарном заседании научно-практического семинара «В мире перевода» в рамках «Недели многоязычия УдГУ» (УдГУ, Ижевск, 2010 г.), на Третьей международной научной конференции «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (НГЛУ, Нижний Новгород, 2011 г.), в ходе стажировки молодых ученых по теме «Языковая личность переводчика» (ЧелГУ, Челябинск, 2011 г.), а также на регулярном кафедральном научно-практическом семинаре «Перевод как межъязыковая и межкультурная коммуникация» (УдГУ, Ижевск, 2004–2012 гг.). Диссертация обсуждалась на кафедре перевода и стилистики английского языка УдГУ. Практическая часть исследования проходила апробацию в ходе преподавания практического курса перевода студентам 4 и 5 курсов, обучающимся по специальности «Перевод и переводоведение», на занятиях по

повышению квалификации для практикующих переводчиков, реализуемых через систему дополнительного образования УдГУ.

Всего по теме исследования имеется 20 публикаций, в том числе 1 раздел в коллективной монографии «Языковая личность переводчика», 11 статей, из них 4 статьи в сборниках, рецензируемых ВАК, 7 тезисов и материалов научных конференций, а также 1 учебно-методическое пособие.

Структура работы. Диссертация включает введение, три главы, заключение и библиографию из 280 наименований. Общий объем работы 204 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «*Теоретические основы исследования*» приводится обзор существующих подходов к определению понятия «концепт», рассматриваются основные типы концептов, методики их изучения, а также способы лингвистической репрезентации концептов, обобщаются результаты теоретических исследований в области политической коммуникации и переводоведения, выполненных с позиций когнитивистики и лингвоконцептологии.

Обзор существующих подходов к понятию «концепт» показал, что в современной концептологии, разрабатываемой, главным образом, в трудах российских ученых, отчетливо прослеживаются два ведущих направления – лингвокультурологическое и когнитивное. Несмотря на то, что представители разных направлений исходят из различной типологии концептов, используют разные методики моделирования концептов, общим для всех авторов, работающих в русле концептологии, является стремление рассматривать многие проблемы функционирования языка под новым углом зрения, с позиции антропоцентрической парадигмы, господствующей на сегодняшний день в лингвистике.

В настоящем исследовании концепт рассматривается в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, его методологической основой являются труды Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, а также исследования представителей воронежской школы когнитивистики З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Концепт понимается как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей ментального кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007: 34].

Говоря о вербализации концепта, многие исследователи признают, что концепт может быть номинирован в языке или не иметь однословного языкового выражения (В. И. Карасик, 2002, 2009; Н. А. Красавский, 2001; Е. С. Кубрякова, 1996, 2009; М. В. Пименова, 2006; З. Д. Попова, 2007; А. В. Рудакова, 2004 и др.).

Отсутствие универсальной номинации, однако, не свидетельствует об отсутствии концепта в конкретной лингвокультуре. В то же время, для лингвиста существует принципиальное различие между вербализованными и невербализованными концептами, поскольку лишь вербализованные концепты могут быть структурированы в процессе концептуального анализа. Данное исследование выполняется с позиции ономаσιологического подхода, поскольку нас интересует вся гамма средств реализации изучаемого концепта, актуализируемых, однако, не в языке или лингвокультуре в целом, а лишь в конкретном типе дискурса, а именно, в политическом дискурсе.

Политическая коммуникация, ставшая предметом лингвистических исследований относительно недавно, сегодня привлекает внимание все большего числа ученых (Э. А. Бочарова, 2013; Л. В. Вдовиченко, 2011; М. Б. Ворошилова, 2013; Л. Я. Зятькова, 2007; Т. И. Краснова, 2013; П. В. Кропотухина, 2011; Е. К. Мохова, 2011; Л. К. Никифорова, 2010; О. В. Прибылова, 2011; Н. Б. Руженцева, 2004; А. П. Чудинов, 2013 и др.). Когнитивный подход к изучению политической коммуникации, основы которого были заложены в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, сегодня реализуется через анализ политических концептуальных метафор, выявление ценностей и антиценностей, фреймовый анализ и, наконец, исследование концептов политического дискурса. Предпринимаются попытки описать концептосферу политического дискурса в целом, а также более подробно изучить его базовые (ключевые, доминирующие и т. п.) концепты. Однако изучение политической концептуальной системы предполагает, на наш взгляд, не только исследование политически-маркированных концептов, но и особенностей репрезентации универсальных когнитивных концептов, представленных во всех типах дискурсов. Именно они часто являются основой понимания речи, в том числе и при межкультурной политической коммуникации.

Когнитивные исследования сегодня оказывают значительное влияние на переводоведение. В современных работах перевод рассматривается как сложный речемыслительный процесс, в ходе которого осуществляется переход от одной семиотической системы к другой (Т. А. Волкова, 2010; Н. К. Гарбовский, 2004; Е. В. Гарусова, 2007; А. Н. Злобин, 2012; Л. В. Кушнина, 2005; А. Г. Минченков, 2008; Л. Л. Нелюбин, 2013; И. Н. Ремхе, 2007; А. Н. Усачева, 2011; Т. А. Фесенко, 2004; М. Я. Цвиллинг, 2009 и др.). Соответственно, внимание ученых привлекает изучение когнитивных процессов, связанных с осуществлением переводческой деятельности, исследователи пытаются вычленить единицы смысла, которыми оперирует переводчик в ходе профессиональной деятельности. Предпринимаются шаги по разработке новой когнитивной модели перевода, учитывающей взаимодействие переводчика (со своими индивидуальными когнитивными особенностями) и переводимого текста, раскрывающей проблему понимания смысловых кодов исходного текста и их вербализации средствами языка перевода. Переводоведы все чаще опираются на результаты исследований в области концептологии, используя концепт как единицу пред- и постпереводческого анализа.

Во второй главе *«Сопоставительное исследование репрезентации концепта «Путь» в англоязычной и русскоязычной политической речи»* описывается используемая в работе методика изучения номинативного поля исследуемого концепта, приводятся наиболее частотные средства его репрезентации, выявляются когнитивные признаки концепта «Путь» в речах современных политических лидеров России и США, дается сравнительная характеристика номинативных полей рассматриваемого концепта, а также выделяются и описываются когнитивные составляющие концепта «Путь» в речах российских и американских политиков.

Репрезентация изучаемого в данной работе концепта «Путь» в речах российских и американских президентов имеет свои особенности. Во-первых, проведенное исследование позволило выявить асимметрию номинативных полей концепта «Путь» в политических речах на русском и английском языках. Под *асимметрией* номинативных полей мы понимаем лакуарность, частичное или полное несовпадение или разную значимость элементов номинативного поля концепта, вербализуемого средствами одного языка, при сопоставлении их с соответствующими элементами номинативного поля одноименного концепта, объективированного средствами другого языка. Асимметрия номинативных полей концепта может проявляться на двух уровнях – уровне репрезентантов концепта и уровне когнитивных признаков. При этом она, как правило, не связана с полным отсутствием соответствующего репрезентанта или признака изучаемого концепта в номинативном поле на другом языке.

Сопоставительный анализ языкового материала свидетельствует также о наличии индивидуальных особенностей репрезентации данного концепта в речах российских и американских политических лидеров. Индивидуальные отличия проявляются в разной частотности употребления отдельных лексем в выступлениях конкретных политиков, (ср., например, «направление» – 10,2% у В. В. Путина, 4,7% у Б. Н. Ельцина и 2,3% у М. С. Горбачева), а также в разной степени актуальности некоторых когнитивных признаков. Например, в выступлениях В. В. Путина отчетливо прослеживается мотив поиска / выбора пути, в выступлениях Б. Н. Ельцина «путь» нередко ведет к чему-либо «нормальному» («путь к нормальному жизнеобеспечению», «к нормальному политическому взаимодействию», «к нормальным федеративным отношениям», «путь к формированию нормальной многопартийной системы» и т. д.).

Исследование показало, что некоторые значимые для русской языковой картины мира репрезентанты концепта «Путь», такие как «дорога», «тропа», «стезя» либо вообще не встречаются в президентских речах на русском языке, либо не играют в них значимой роли. В то же время для президентских речей на русском языке актуальны такие репрезентанты концепта «Путь» как «идти», «направление», «шаг», «пройти», «подход», «вперед», которые не выходят на первый план при изучении концепта на материале лексикографических источников, но которые, как мы считаем, являются основными для данной разновидности русского политического дискурса. Сочетаемость ключевого репрезентанта концепта (лексемы «путь»), с одной стороны, представляется более ограниченной в президентских речах по сравнению с материалами словарей

сочетаемости. С другой стороны, в президентских речах «путь» встречается в коллокациях, не зафиксированных в словарях (например, «легитимный, рациональный путь»); в качестве субъекта движения в метафорическом контексте часто встречаются неодушевленные существительные (например, «путь реформ»). Речи американских президентов отличает высокая частотность глаголов, описывающих самостоятельное перемещение двух субъектов – одного ведущего, другого ведомого: “to follow”, “to lead”, “to pursue”, “to guide”. Данные выводы, касающиеся особенностей репрезентации концепта «Путь» в президентских речах, позволяют заключить, что репрезентация концепта «Путь» имеет свои дискурсивные характеристики.

В результате сравнения средств репрезентации концепта «Путь» в политических речах на русском и английском языках был также выявлен ряд межкультурных различий, касающихся, преимущественно, когнитивных признаков изучаемого концепта и его отдельных составляющих. Так, в выступлениях на русском языке «путь» обычно предстает в виде процесса, имеющего начало и конец («встать на путь» – «идти по пути» – «пройти путь»), иногда состоящего из этапов. Достижение конечной точки пути предполагает получение желаемого результата. В той или иной степени в речах всех трех российских политиков присутствует мотив поиска или выбора пути и идея о том, что выбранный путь является единственно верным и неизменным («не свернуть с пути»). Наконец, значимая особенность репрезентации пути в русскоязычных президентских речах – наличие на нем препятствий. Для всех четырех американских президентов общим также является осмысление пути как способа достижения цели, однако процессуальность пути и его разделенность на этапы в их речах выражены не так четко, как в выступлениях российских президентов. Такой признак пути, как «единственный – один из множества», по-разному реализуется в речах каждого из американских политиков. В их выступлениях так или иначе присутствует мысль о том, что путь (или пути) можно найти (“to find a way / ways”) и изменить (“to change ways”). Наличие препятствий, мешающих перемещению, менее актуально для американской политической речи, чем для русской.

Анализ текстовых репрезентаций концепта «Путь» выявил ряд его когнитивных составляющих (конкретных компонентов структуры концепта как когнитивного комплекса), которые могут быть актуализированы эксплицитно (посредством конкретной лексической единицы) или имплицитно (не соотносятся с одной конкретной лексемой в тексте). Этими составляющими являются:

1) субъект движения:

- *«Мы говорили тогда о том, что **«холодная война»** ушла в прошлое...»* (В. В. Путин).
- *“This was a time when **humankind** came into its own, when we emerged from the grit and the smoke of the industrial age to bring about a revolution of the spirit and the mind and **began a journey** into a new day, a new age, and a new partnership of nations”* (Дж. Буш-старший).

2) конечная цель движения (локус):

- «И, я думаю, у нас есть основания надеяться на то, что при выполнении принятых совсем недавно решений Совета Безопасности, мы, в конечном итоге, **выйдем на те параметры, которые там заложены**» (В. В. Путин).

- “**Together, we will lead our country to new progress and new possibilities**” (Дж. Буш-младший).

3) направление движения:

- «Посмотрите, как изменились наши отношения с США. Мало-помалу стало складываться взаимопонимание, возникли элементы доверия, без чего в политике очень трудно продвигаться **вперед**» (М. С. Горбачев).

- “**It is in our hands to leave these dark machines behind, in the Dark Ages where they belong, and to press forward to cap a historic movement towards a new world order and a long era of peace**” (Дж. Буш-старший).

4) траектория движения (трасса):

- «Те меры, на которые я как Президент Российской Федерации должен идти, – **единственный путь** защиты демократии и свободы в России, защиты реформ, еще слабого российского рынка» (Б. Н. Ельцин).

- “**Now, all of this was hardly encouraging for the growth of freedom and the path to peace**” (Р. Рейган).

5) начало движения:

- «А мы – те, кто **стоит** у власти уже многие годы, мы должны **уйти**» (Б. Н. Ельцин).

- “**But above all, let us today pay tribute to the leaders who had the courage to lead their people toward peace, away from the scars of battle, the wounds and the losses of the past, toward a brighter tomorrow...**” (У. Клинтон).

6) характер движения:

- «Очень надеюсь, что нам удастся **двигаться позитивно, без особых рывков...**» (В. В. Путин).

- “**There was a time when the traffic of ideas and commerce and pilgrims flowed uninterrupted among the cities of the Fertile Crescent**” (У. Клинтон).

7) динамика движения (скорость):

- «Добившись весной и летом неплохих результатов, правительство **сбавило темп**» (Б. Н. Ельцин).

- “**And finally, we need to recall that in the years of detente we tended to forget the greatest weapon the democracies have in their struggle is public candor: the truth. We must never do that again. It's not an act of belligerence to speak to the fundamental differences between totalitarianism and democracy; it's a moral imperative. It doesn't slow down the pace of negotiations; it moves them forward**” (Р. Рейган).

8) движимый объект:

- «Естественным и разумным было бы не отказываться от того положительного, что уже приобрели, **продвигать вперед все позитивное**, что достигнуто в последние годы, создано совместными усилиями» (М. С. Горбачев).

- “**Advancing these ideals is the mission that created our nation**” (Дж. Буш-младший).

9) движущая сила:

- «**Все, кто толкает страну на путь насилия, поставили себя вне закона**» (Б. Н. Ельцин).

- “*When I launched our Nation on this journey to reform the health care system I knew we needed a talented navigator, someone with a rigorous mind, a steady compass, a caring heart*” (У. Клинтон).

10) багаж:

- «*Поэтому мы должны ясно видеть и понимать сегодняшнюю картину. Не лукавя, ответить и себе, и людям, с какими результатами закончим текущий год, с каким грузом проблем идем в следующий*» (Б. Н. Ельцин).

- “*Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along. And even after nearly 225 years, we have a long way yet to travel*” (Дж. Буш-младший).

11) расстояние:

- «*Ставлю их [вопросы] потому, что Содружество все более отдалается от тех целей, которые мы провозгласили, создавая его*» (Б. Н. Ельцин).

- “*Now, we got work to do, but we’ve come a long way since our first discussions*” (Дж. Буш-младший).

12) средство перемещения (транспорт):

- “*We go forward with complete confidence in the eventual triumph of freedom. Not because history runs on the wheels of inevitability*” (Дж. Буш-младший).

- «*Но, с другой стороны, такая динамичная ситуация облегчает нам свободу маневра, создает благоприятные условия для творческой инициативной работы. Она позволяет не просто плыть по течению или прыгать на подножку уходящего поезда, а активно влиять на формирование нового демократического мироустройства*» (В. В. Путин).

Наибольшее значение и для русской, и для американской политической речи имеют первые четыре составляющие концепта «Путь», они актуализируются в тексте наиболее часто; в то же время их репрезентация в текстах политических выступлений на русском и английском языках имеет ряд отличий.

Круг типичных средств, актуализирующих когнитивную составляющую «субъект движения» в президентских речах на английском языке, является в целом более ограниченным, чем в речах российских президентов. Отдельные широко используемые российскими политиками группы существительных не представлены в речах их американских коллег (существительные, обозначающие процесс, ситуацию, событие или состояние, конкретное дело или мероприятие, действия или деятельность, государственный орган / организацию, правовые нормы и документы). В то же время для российской политической речи, в отличие от американской, нетипичной представляется репрезентация субъекта движения в виде абстрактных существительных, называющих политические и духовные ценности, например, “freedom”, “liberty” («свобода»), “democracy” («демократия»), “peace” («мир»).

Наибольшее сходство наблюдается в отношении когнитивной составляющей «конечная цель движения (локус)». Половина текстовых фрагментов, в которых вербализуется локус, содержит указание на положительно оцениваемые цели или результаты политической деятельности в качестве «конечной цели движения». В редких случаях возможно указание на отрицательно оцениваемые или неопределенные (неизвестные) цели или результаты. Кроме того, в качестве локуса в русскоязычных и англоязычных речах могут выступать временной период, одушевленное лицо или группа лиц, редко – «дом», а также правительственное здание или организация (только в речах американских президентов), «тупик» (только в речах российских президентов).

Репрезентации когнитивной составляющей «направление движения» значительно отличаются даже у представителей одной лингвокультуры. Они являются отражением индивидуального коммуникативного стиля политика, проводимого им политического курса, сложившейся исторической ситуации и т. д. В целом можно отметить, что для американских политиков наибольшее значение имеет перемещение по фронтальной оси (43,9% вербализаторов – движение вперед-назад), в то время как для российских политиков – перемещение в некоем абстрактном направлении (40,5% – движение «в этом направлении», «в направлении чего-либо»). В отличие от российской политической речи, движение назад в выступлениях американских политиков может оцениваться положительно. Для американской политической речи большее значение, по сравнению с речами российских политиков, имеет перемещение по вертикальной оси, особенно движение вниз (ср.: 7% для американских политиков и 1,4% для российских политиков). Для американской политической речи более значимым, чем для российской, является некий ориентир, задающий направление движения.

В американской политической речи более высока, по сравнению с русской, частотность употребления стандартных лексических единиц, актуализирующих признак «тип трассы» (ср. англ.: “way”, “road”, “path”, “track”, “avenue” и рус.: «путь», «подход»); в русской политической речи большое значение играют также окказиональные лексические средства репрезентации трассы («зеленая улица», «обочина» и т. д.). Отличительной особенностью политической речи на русском языке, в связи с когнитивной составляющей «траектория движения», является то, что в результате воздействия механизма перекатегоризации в качестве трассы могут выступать объекты, напрямую не связанные с перемещением в пространстве («пройтись по повестке дня»).

В третьей главе *«Проблемы передачи концепта «Путь» при переводе»* на основе результатов сопоставительного исследования рассматриваются переводческие трудности, обусловленные асимметрией номинативных полей изучаемого концепта, а также различиями в репрезентации его когнитивных составляющих. Обычно в основе переводческих проблем, обусловленных асимметрией на уровне отдельных репрезентантов исследуемого концепта, лежит невозможность использования стандартных словарных соответствий, нарушающих узус языка перевода в конкретной речевой ситуации. С другой

стороны, привычные репрезентанты, использующиеся для описания аналогичных ситуаций в политических речах на языке перевода, также не могут быть выбраны в качестве переводческих соответствий, поскольку они являются своеобразными «маркерами» другого национального политического языка. Объективно трудности перевода проявляются в наличии в переводах искажений или неточной передачи содержания оригинала, немотивированных опущений, добавлений или замены информации, а также нарушении узуса языка перевода. Приведем пример из инаугурационного выступления Дж. Буша-младшего:

Оригинал: *“And though our nation has sometimes **halted**, and sometimes **delayed**, we must follow no other course.”*

Перевод 1: *«И хотя наша страна **иногда останавливалась и порой запаздывала, мы обязаны следовать только этим курсом**» (перевод опубликован на сайте газеты «Взгляд»).*

Перевод 2: *«... и, хотя наша страна, случилось, **останавливалась или медлила, у нас нет другого пути**» [Инаугурационные речи ... , 2001: 506].*

Дж. Буш в своей речи опирается на когнитивную модель «история страны – это путь». Иногда в процессе пути демонстрируется отрицательная динамика, которая проявляется либо в виде полной остановки (“halted”), либо в виде замедления скорости движения (“delayed”). Приведем примеры текстовой репрезентации той же когнитивной модели, эксплицирующие при этом ту же составляющую – «отрицательная динамика» – в привычных «терминах» политической речи на русском языке:

*«Ведь почему происходило, по сути, чуть ли не восемь лет **топтание на месте** в этой сфере, в сфере экономических преобразований?» (В. В. Путин).*

*«Те, кто был тогда у руководства страны, знали, что на самом деле с нею [страной] происходит, и что мы потом назвали труднопереводимым термином **застой**» (М. С. Горбачев).*

Тем не менее, типичные для русской политической речи средства вербализации составляющей «отрицательная динамика»: «топтаться / топтание на месте», «застой», «отставать / отставание» при переводе выступления Дж. Буша использоваться не могут, поскольку являются «маркерами» иного политического языка. Использование же словарных соответствий порождает нарушение узуса.

В отличие от асимметрии на уровне отдельных репрезентантов концепта «Путь», которая обычно приводит к нарушению узуса в переводе, асимметрия на уровне когнитивных признаков нередко влечет за собой не только узуальные, но и смысловые переводческие ошибки. В этом случае когнитивные признаки, типичные для политических речей на языке перевода, проецируются на речи оригинала, а смысл исходного высказывания искажается, например:

Оригинал: *“Tonight, with a thankful heart, I have asked for a final opportunity to share some thoughts on the **journey that we have traveled together** and the future of our Nation” (Дж. Буш-младший).*

Перевод: *«Позвольте сегодня в последний раз поделиться с вами некоторыми мыслями о том, **что пережила Америка за минувший период, и об испытаниях, которые ей предстоит пройти в ближайшем будущем...**» (перевод опубликован на сайте «Интеллектуальная Россия»).*

В данном фрагменте прощального обращения Дж. Буша-младшего к нации реализована когнитивная модель «жизнь – это путь». Период в истории Соединенных Штатов, в течение которого у власти находился Дж. Буш, представлен как *совместное* путешествие (“journey”) граждан страны и ее президента. Этот путь уже *пройден*, о чем свидетельствует использование глагола “travel” в настоящем совершенном времени. В переводе путь направлен в *будущее* («предстоит пройти»), ставшее, кроме всего прочего, *ближайшим*. Более того, переводчик эксплицирует когнитивный признак «путь, полный препятствий», отсутствующий в тексте оригинала, за счет замены нейтрального «будущего» (“future”) на «испытания, которые предстоит пройти». Нейтральное «путь, который мы проделали вместе» (“the journey that we have traveled together”) заменено на «то, что пережила Америка за минувший период».

Можно предположить, что на этапе восприятия оригинала переводчик в целом правильно идентифицировал реализуемую в тексте когнитивную модель «жизнь – это путь». Однако на этапе воспроизведения смыслов на языке перевода (в силу неких причин) был эксплицирован когнитивный признак концепта «Путь», в большей степени актуальный для политической речи на русском языке, а именно «путь, полный препятствий».

Приведем еще один пример из первой инаугурационной речи У. Клинтона, в котором асимметрия когнитивных признаков концепта обуславливает переводческие трудности:

Оригинал: “... *an idea infused with the conviction that America’s long, heroic journey must go forever upward.*”

Перевод: «Эту идею воспламеняет уверенность в том, что в долгом героическом путешествии Америка вечно должна идти вверх – все выше и выше» [Инаугурационные речи ... , 2001: 495].

В данном фрагменте исследуемый концепт актуализируется посредством ориентационной метафоры “GOOD IS UP”, описанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон, 2008: 35–45]. Однако как говорилось выше, для президентской речи на русском языке движение по вертикальной оси гораздо менее актуально, чем для американской президентской речи. Свидетельством того, что переводчик испытывал определенные сложности, является добавление в переводе фразы «все выше и выше», которая, вероятно, должна прояснить реципиенту, что именно имеется в виду. Полагаем, что в данном случае вполне возможно было объективировать в переводе когнитивный признак, более актуальный для политической речи на русском языке, а именно «движение вперед – это хорошо»:

«... Америка должна **всегда идти вперед**».

Можно привести другие примеры, где переводческие решения, хотя и не абсолютно неприемлемые, могут быть, на наш взгляд, усовершенствованы, благодаря учету различий в наборе когнитивных признаков концепта. Как говорилось ранее, нами было установлено, что российские политики чаще говорят о необходимости «поиска» пути, в то время как американские политики говорят о необходимости его «найти». Рассмотрим пример из выступления

М. С. Горбачева и перевод, опубликованный на сайте новостного агентства СиЭнЭн:

Оригинал: «... **надо искать, причем совместно искать, подходы к оздоровлению международной ситуации, к строительству нового мира**» (М. С. Горбачев).

Перевод: “... **it is necessary to seek -- and to seek jointly -- an approach toward improving the international situation and building a new world**” (перевод опубликован на сайте СиЭнЭн).

С учетом вышесказанного полагаем, что данный фрагмент можно было бы перевести следующим образом:

“... **together we must find ways to improve the global situation and build a new world.**”

Вторая группа переводческих проблем, рассматриваемых в работе, связана с различиями в репрезентации отдельных когнитивных составляющих концепта «Путь». В данном случае можно говорить о некой градации переводческих трудностей. Наиболее часто в рамках анализируемого нами материала переводческие затруднения и ошибки возникали при использовании в оригинале политического выступления нетипичного для речей на другом языке субъекта движения. Нередко переводчики испытывали трудности при переводе с русского языка на английский фрагментов речей, в которых реализовывалась когнитивная составляющая «траектория движения (трасса)». В этих случаях им приходилось конкретизировать тип «трассы» или подбирать контекстуальное переводческое соответствие для окказиональных репрезентантов данной составляющей. Наконец, сложности возникали и в тех случаях, когда в оригинале политической речи присутствовала апелляция к метафорическому перемещению в направлении, не характерном для политических речей на другом языке. Наименьшую трудность при переводе представляла репрезентация когнитивной составляющей «конечная цель движения (локус)». Поскольку доминирующий тип локуса в политических речах на русском и английском языках совпадает, были выявлены лишь некоторые случаи нарушения узуса языка перевода. При передаче остальных когнитивных составляющих переводчики, помимо нарушения узуса, допускали также и смысловые ошибки.

Приведем пример из выступления Р. Рейгана, иллюстрирующий различия в репрезентации когнитивной составляющей «субъект движения». В отличие от политической речи на русском языке, в американской политической речи движущийся субъект может быть представлен абстрактным существительным, называющим политическую или духовную ценность. В то же время типичный для русской политической речи тип «субъекта движения» – «деятельность» не представлен в анализируемых выступлениях американских президентов. Эти различия могут стать источником искаженного понимания смысла оригинала:

Оригинал: “**The business of our nation goes forward.**” (Р. Рейган).

Перевод: «**Деловая жизнь нашей страны развивается**» [Инаугурационные речи ... , 2001: 466].

Такой перевод предложения вызывает недоумение, поскольку сразу после этого Президент говорит об экономических трудностях, с которыми сталкивается страна:

“These United States are confronted with an economic affliction of great proportions. We suffer from the longest and one of the worst sustained inflations in our national history ...”

Как говорилось выше, сопоставительный анализ показал, что в английском языке существительное в значении «деятельность» (а в данном переводе “*business*” понимается как деятельность – “*commercial activity*” [Collins Coincide English Dictionary]) обычно не используется в качестве субъекта движения. По-видимому, “*business*” используется здесь как абстрактное существительное в другом своем значении “*proper or rightful concern or responsibility*” [Collins Coincide English Dictionary]. И действительно, предыдущий контекст подтверждает, что речь идет именно об обязанности американского народа беречь политическую систему, гарантирующую свободу личности:

“Mr. President, I want our fellow citizens to know how much you did to carry on this tradition. By your gracious cooperation in the transition process you have shown a watching world that we are a united people pledged to maintaining a political system which guarantees individual liberty to a greater degree than any other. And I thank you and your people for all your help in maintaining the continuity which is the bulwark of our republic.”

Вероятно, переводчик воспринял фразу “*The business of our nation goes forward*” в отрыве от предшествующего контекста, так как в скрипте выступления она вынесена в отдельный абзац. Однако если прослушать аудиозапись выступления, можно понять, что эта фраза оформлена в отдельный абзац, так как отделена от предыдущего отрезка текста продолжительными аплодисментами, но интонационно она составляет единое целое с предыдущей, а не последующей частью.

Учитывая контекст, интонационное оформление и типичное для английского языка использование абстрактного существительного в качестве субъекта движения, можно сделать вывод, что смысл данного высказывания в том, что начатое прежним президентом дело будет продолжено.

Итак, знание особенностей репрезентации концепта «Путь» в американских и русских политических речах способно оказать существенную помощь при переводе. Оно позволяет провести более глубокий предпереводческий анализ текста оригинала, что минимизирует вероятность неверного истолкования его содержания, а, следовательно, и избежать смысловых ошибок в переводе. Кроме того, основываясь на результатах сопоставительного исследования рассматриваемого концепта, переводчики могут подобрать наиболее удачное соответствие с точки зрения узуса языка перевода.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, намечаются его перспективы, которые мы видим в расширении материала исследования за счет изучения концепта «Путь» в других жанрах политического дискурса, а также в прочих дискурсах, таких как научный, религиозный, философский и т. д., с привлечением текстов на разных языках. Это позволит получить более полную и объективную картину в отношении средств репрезентации данного концепта в разных лингвокультурах.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Рябкова, И. П. Средства актуализации понятийного компонента «направление движения» в рамках концептов «Путь» и «Way»: сопоставительно-переводческий аспект (на материале речей современных российских и американских политиков) / И. П. Рябкова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск : ЧелГПУ, 2010. – № 5. – С. 284–294.
2. Рябкова, И. П. Асимметрия когнитивных признаков концепта как источник переводческих трудностей / И. П. Рябкова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. : Филология. Искусствоведение. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. – Вып. 57. – С. 264–266.
3. Рябкова, И. П. Межкультурная коммуникация в сфере политики и вопросы перевода / И. П. Рябкова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – № 3. – С. 143–146.
4. Рябкова, И. П. Особенности вербализации концепта ПУТЬ/WAY в политической речи (на материале речей президентов России и США конца XX-начала XXI в.) / И. П. Рябкова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – Ижевск : Удмуртский университет, 2011. – Вып. 2. – С. 26–35.

раздел в коллективной монографии

5. Рябкова, И. П. Асимметрия номинативного поля концепта как источник переводческих трудностей / И. П. Рябкова // Языковая личность переводчика. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. – С. 337–352.

учебное пособие:

6. Рябкова, И. П. Перевод и публичное выступление : учеб. пособие / И. П. Рябкова. – Ижевск : Удмуртский университет, 2006. – 138 с.

*статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

7. Плехова, И. П. [Рябкова, И. П.] Культурно обусловленные ошибки при переводе политических речей (на материале английских переводов речей российских политиков) / И. П. Плехова // V Международная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения», 23–25 окт. 2003 г. : тез. докл. – СПб. : СПбГУ, 2003. – С. 37.
8. Плехова, И. П. [Рябкова, И. П.] Культурно-детерминированные проблемы перевода политической речи (на материале речей российских политиков и их английских переводов) / И. П. Плехова // Перевод и сопоставительная лингвистика : материалы Рос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Б. Шевнин. – Екатеринбург : Урал. гуманитар. ин-т, 2004. – С. 176–181.
9. Плехова, И. П. [Рябкова, И. П.] Перевод как отражение национально-культурных и индивидуально-психологических особенностей переводчика / И. П. Плехова, Т. Н. Шикалова // VI международная научная конференция по

переводоведению «Федоровские чтения»: материалы науч.-практ. конф. – СПб. : СПбГУ, 2004. – С. 72–73.

10. Плехова, И. П. [Рябкова, И. П.] Культурные концепты в русской политической речи как переводческая проблема (на материале переводов речей российских политиков конца XX – начала XXI вв. на английский язык) / И. П. Плехова // Университетское переводоведение / отв. ред. В. И. Шадрин. – СПб. : СПбГУ, 2005. – Вып. 6. Материалы VI Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения». – С. 294–299.

11. Плехова, И. П. [Рябкова, И. П.] Новое в подготовке переводчиков в вузе : на примере курса «перевод и публичное выступление» / И. П. Плехова // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества подготовки специалистов : материалы междунар. научно-метод. конф. / под ред.: А. А. Баранова, Г. С. Трофимовой. – Ижевск : Удмуртский университет, 2005. – Т. 1. – С. 189–192.

12. Plekhova, I. [Рябкова, И. П.] Cultural awareness as the necessary component of teaching translation / I. Plekhova // Английский язык в поликультурном регионе = English in a Multi-Cultural Community : материалы Междунар. конф. / под общ. ред.: Н. И. Пушиной, Н. М. Шутовой. – Ижевск : Удмуртский университет, 2005. – Ч. 1. Тезисы. – Р. 121.

13. Рябкова, И. П. Типичные ошибки при переводе речей российских политиков на английский язык (на материале речей В. В. Путина и их переводов) / И. П. Рябкова // Перевод и сопоставительная лингвистика : Периодический научный журнал. – Екатеринбург : Уральский гуманитарный институт, 2006. – С. 51–57.

14. Рябкова, И. П. Концепты «Путь» и «Way» в русскоязычной и англоязычной политической речи: сопоставительно-переводческий аспект / И. П. Рябкова // Политическая коммуникация : Всероссийская научная школа для молодежи / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 77–80.

15. Рябкова, И. П. Средства языковой репрезентации субъекта движения: сопоставительно-переводческий аспект (на материале речей российских и американских политиков конца XX – начала XXI вв.) / И. П. Рябкова // Многоязычие в образовательном пространстве : сб. ст. к 60-летию проф. Т. И. Зелениной : в 2 ч. / под ред.: А. Н. Утехиной, Н. М. Платоненко, Н. М. Шутовой. – М. : Флинта : Наука, 2009. – Ч. 1. Филология. Лингвистика. – С. 130–135.

16. Рябкова, И. П. Когнитивно-эвристическая модель перевода в политической коммуникации (на материале речей российских и американских политических деятелей и их переводов) / И. П. Рябкова // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. Е. П. Сосниной. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – С. 201–206.

17. Рябкова, И. П. Политическая коммуникация и перевод в свете когнитивной парадигмы / И. П. Рябкова // Современная политическая лингвистика : тез. Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 231–233.

18. Рябкова, И. П. Асимметрия номинативного поля концепта как источник переводческих трудностей (на материале концепта ПУТЬ/WAY в политической речи) / И. П. Рябкова // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. науч. трудов. Сер. «Язык. Культура. Коммуникация». – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2011. – Вып. 14. Т. 2. – С. 134–140.
19. Рябкова, И. П. Политическая коммуникация и перевод / И. П. Рябкова // Многоязычие в образовательном пространстве : сб. ст. / ред. Е. Ф. Осипова; сост. : Т. И. Зеленина, Л. М. Малых. – Ижевск : Удмуртский университет, 2011. – Вып. 3. – С. 160–165.
20. Рябкова, И. П. Концептосфера политического дискурса (переводческий аспект) / И. П. Рябкова // Политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 273–278.